

Седьмой день, Местия

По плану Кобы:

7 сентября: Осмотр Местии – государственный этнографический музей – музей «Старый сванский дом» – посещение церкви Успения Богородицы 13-го века с отличными фресками того же времени – подъём по канатной дороге на горе Зурулди – праздничный стол на высоте больше 2000 метров в ресторанчике – ночёвка в Местии.

Утром мы никуда не торопимся. Нато в столовой на первом этаже накрывает стол – тут и кубдари, и яичница, и мацони, и даже жареная картошка. Завтракаем вместе с украинцами, потом пьем кофе «у себя» на балконе. День сегодня солнечный и радостный.

До музея можно было дойти и пешком, но мы по-барски едем на машине. Будем смотреть «старый сванский дом». В таких домах здесь жили вплоть до двадцатого века.

В центре просторного помещения – очаг, над ним – котёл, подвешенный к толстой потолочной балке. Вокруг очага и простые деревянные скамейки, и изысканно украшенные резьбой кресла. Они предназначены для старейших членов семьи. А по периметру – резная стенка-загородка, в нижней части которой проделаны отверстия-арочки.

Экскурсоводша Лариса рассказывает: зимой здесь держали коров, а сверху были полаты, на которых спали. Коровы – это дополнительное тепло. Сено для коров зимой держали на втором этаже дома. Чтобы достать его, достаточно было открыть люк на первом этаже, и сено падало вниз.

Вдоль одной из стенок загородка пониже – здесь держали куриц. «А свиней и лошадей в дом не пускали – от них запах», – поясняет Лариса. Гм... То есть, значит, коровы с курами благо-

ухают. Мне это трудно понять, но, наверное, для бывших хозяев этого дома, владельцев этих резных загородочек и кресел всё было логично и имело смысл.

Потом мы поднимаемся в сванскую башню. Сюда, как объяснила Лариса, семья приходила в случае опасности. На первом этаже – скот. На втором – женщины и дети. А мужчины были на третьем этаже, там, где бойницы.

Башня для жилья не годится, здесь нет никаких приспособлений для разведения огня и приготовления пищи. Скучный свет проникает сквозь узкие длинные отверстия, которые и окошками назвать трудно.

Пытаюсь себе представить, как эти люди жили – и не могу. Всё это, может, и было относительно недавно, но уже прошло.

По пути на канатную дорогу Заза развлекает нас историями из современной жизни сванов.

Уже давно у всех есть машины, спутниковые антенны и интернет. И на первый взгляд Сванетия ничем не отличается от любого другого района

Грузии. Ну, разве что башни до сих пор стоят в деревнях.

Но авторитет старейшин по-прежнему непререкаем, в семьях патриархальный уклад жизни, и параллельно с законами государства здесь действуют свои неписанные законы.

Ну вот, к примеру. Каждая сванская семья владеет каким-то участком леса. Вряд ли это зафиксировано документально в соответствии с современными законами. Просто они об этом знают, потому что «так было всегда».

Когда в стране пришёл к власти Саакашвили, он стал щедро продавать иностранным компаниям национальные богатства. И так случилось, что часть леса Сванетии была сдана в концессию китайцам. Сваны же не обратили никакого внимания на действия властей.

Китайцы, явившиеся инспектировать лес, застали там свана, который спокойно на своём участке рубил деревья. Начали трясти перед ним бумагами и горячо что-то доказывать. Сван в конце концов вышел из себя и топором зарубил китайца. Естественно, сел в тюрьму.

Но, как сказал Заза, «он в тюрьме до конца своей жизни не будет ни в чём нуждаться». А китайцев с тех пор и след простыл.

...Мы, вместе с Зазой и Кахой, поднимаемся по канатной дороге вверх, на высоту 2280 метров. Внизу великолепный еловый лес, вдали снежные вершины. Навстречу, сверху, едут кабинки с туристами, которые болтают на иврите – одна, две, десять... Боже мой, сколько же здесь израильтян! Кричу «Шалом!» Они весело машут нам руками. Кстати, в Местии даже есть гостевой

дом с надписью «Здесь говорят на иврите». Конъюнктура.

На вершине горы очень симпатичный ресторанчик. Именно здесь первоначально предполагалось праздновать Вовин день рождения. Но сегодня ресторан не работает – сорок дней по его хозяину. Тот гонял по горным дорогам на квадроцикле и – что вполне предсказуемо – свалился в пропасть.

Я в упоении фотографирую. День яркий, свет подходящий, горы выстроились для фотосессии. Вот только застенчивая Ушба закрылась облаком.

Странно, но чем выше мы поднимаемся, тем лучше я себя чувствую. Наверное, это просто высота небольшая. Говорят, нехватка кислорода ощущается только на четырёх тысячах. А здесь дышать очень легко.

...В государственном музее Местии, к нашему удивлению, мы не находим русскоязычного экскурсовода (без которого идти внутрь нельзя). Он ушёл куда-то там с группой и придёт через час-полтора. Или ждите, или слушайте английскую речь.

Не то чтобы у меня был приличный английский, но музейная лексика должна быть мне знакома. Не зря я долго переводила со словарём подписи к экспонатам (в музее фотографируешь экспонат, фотографируешь табличку, а потом дома разбираешься, что к чему).

Так что ладно, давайте английский.

И впрямь всё оказалось понятно.

Зал древностей, с материалом из археологических раскопок. Это интересно, но ожидаемо – связь с античным миром Средиземноморья через Колхиду и т.д.

Зал икон. Иконы начинаются с одиннадцатого века. Это, конечно, седая древность, но я знаю, что Грузия, будучи на окраине христианского мира, избежала периода иконоборчества, и, значит, должно сохраниться что-то

более раннее. Но здесь, к сожалению, нету. Зато есть икона с очень интересным сюжетом, я такой раньше не видела: «Сорок мучеников»:

В зале древних книг – невероятной ценности коллекция. В том числе – Евангелие, переписанное в 897 году.

Этнографический зал. Там экскурсоводша, показывая какой-то котёл, мимоходом говорит: «Это для жертвоприношений». Я уточняю: «Это дохристианская эпоха? Такой древний?» Она, удивлённо глядя на меня, отвечает: «Да нет, новый».

Пожалуйста, ещё раз. Для чего, говорите? Sacrifice? Наверное, у меня что-то с английским. Или со слухом. Ладно, забудем.

Экскурсия заканчивается залом с абсолютно неинтересным оружием и очень интересными украшениями. Общее впечатление – музей очень достойный (я имею в

виду даже не ценность экспонатов, которых я не ожидала увидеть в районном центре). Совсем новенький, похоже, ему всего несколько лет. Просторный, грамотно устроенный. Молодцы, что сказать.

...К пяти часам вечера возвращаются с ледника Коба и украинцы. Мы грузимся в две машины и едем в ресторан отмечать Вовин день рождения.

Ресторан – это пластиковый полог над единственным столом. В десяти метрах от него жилой дом. Где, надо полагать, готовят еду. Вокруг великолепная нетронутая природа, лес, озерцо с кувшинками, на горизонте горы. Судя по альтиметру в Зазиной машине, высота здесь около 1700 метров, то есть чуть-чуть повыше Местии.

Заза и Коба заказали роскошный торт с надписью «60». Заза говорит: «Я дарю тебе единицу. Хочешь, сзади припиши, хочешь – впереди. И столько лет живи!»

Украинцы дарят Вове шикарную глиняную разукрашенную бутылку с грузинским вином. Вова, прикинув, сколько будет весить багаж, когда мы доберёмся до аэропорта, собирается здесь же её вскрывать, но я не даю – это выпьем дома.

Кстати, даже в честь дня рождения порядок тостов нельзя менять. Первые всё равно должны быть «за высшего бога», «за архангелов», «за

святого Георгия».

Здорово, что у нас такая хорошая компания в Вовин день рождения. Приятные, весёлые киевляне, замечательный Коба, а Заза... Мы его просто любим.

Произошла небольшая накладка. Шашлык, который нам принесли, оказался сухим и малосъедобным. И я видела, как Заза и Коба расстроились по этому поводу. Впрочем, голодным никто не остался.

Приехав домой, мы продолжаем праздник. Но не особенно усердствуя. Украинцы завтра уезжают, а мы собираемся в поход на ледник.

Восьмой день, ледник

По плану Кобы:

8 сентября: поход на ледник Чалаади, несложная прогулка пешком в обе стороны до трёх часов – подъём на джипе на озера на горе Корулди – ночёвка в Местии.

Утром мы прощаемся с украинцами. Мне уже жалко, что они уезжают. С ними было и весело, и интересно.

В процессе прощальных рукопожатий, объятий и поцелуев одну из женщин, Таню, вдруг прорывает: «А всё-таки нам обидно, что в вашей прессе называют нас фашистами!».

«Да ладно вам», – откликаюсь я. – «Мы-то знаем, что вы не фашисты. Но и я не пью по утрам кровь христианских младенцев. Если вам про меня это скажут – не верьте».

Они расхохотались, и разговор о политике прекратился. И Заза повёз их в Батуми.

А мы с Кобой едем на ледник. С нами ещё один турист, Саша, он вчера приехал из Ставрополя на своей машине. Он периодически начинает политические разговоры – и про Украину, и про Абхазию, и про Южную Осетию. Ничего умного он не говорит – так, унылые обывательские пересуды. Но пусть он был бы даже блестящим политическим аналитиком, я таких тем в разговоре не потерплю. И обрываю его, бесцеремонно и невежливо. Некоторое время Саша обиженно молчит, а потом всё повторяется снова.

Дорога бежит вдоль густых зарослей барбариса, потом асфальт кончается, мы едем по лесу, и в окно машины врываются странные, незнакомые запахи каких-то местных хвойных деревьев. Останавливаемся около деревянного подвесного мостика через речку. Отсюда начинается пеший маршрут к леднику.

Тропинка идёт по лесу, и первые минут пятнадцать круто поднимается вверх. Наш попутчик Саша, который по дороге хвастался своей спортивной

подготовкой, мчится вперёд со страшной силой. Вова и Коба тоже легко идут, а я тащусь вслед за ними, даже не пытаюсь фотографировать по пути. Но потом, слава богу, крутой подъём сменяется пологими участками, и я успеваю отдышаться.

Мы даже догоняем Сашу, который растерянно стоит посреди дороги. Оказывается, по тропинке идут коровы, и вид у них не совсем безобидный.

Надо сказать, что коровы здесь гуляют сами по себе, где хотят, без пастуха. Бегают вверх-вниз по горам, а к вечеру сами приходят домой.

Коба хватает первый попавшийся прут и грозно кричит на бедных коров. Они испуганно взбрыкивают и бегут в лес. Дорога свободна, Саша спасён.

Неожиданно перед нами возникает язык ледника – белая река в горном ущелье.

Чтобы к нему под-
браться, нужно пройти по
морене, прыгая с камня на
камень. Как я ни стараюсь
идти осторожно, эти камни
всё же расцарапывают мне
ноги (я в коротких штанах).

Вблизи ледник, мягко
говоря, не белоснежный. Он
весь покрыт землёй и
мелкими камешками. Из его
тёмного зева вырывается
бурная пенистая река.

Коба предупреждает,
чтобы мы не подходили
близко, это может быть
опасно. И в подтверждение
его слов по поверхности
ледника немедленно
сбегает струйкой камнепад.

Непонятно только, зачем мы так бежали. Коба говорит, что обычно он планирует на дорогу час пятнадцать – час двадцать. А мы дошли за пятьдесят минут.

Так что обратно мы идём с чувством, с толком, с расстановкой. Фотографирую. Рассматриваю диковинную растительность. Коба говорит, что одних только хвойных здесь только около двадцати видов. Ах, какая у них зелень! Безупречные блестящие иголки такого яркого цвета, что они даже кажутся искусственными.

По дороге всё время встречаем группы путешественников, и местных, и иностранцев. Этот маршрут – один из самых популярных.

Поэтому, я надеюсь, кафе, которое недавно открылось рядом с подвесным мостиком (там, где мы оставили машину), будет процветать. Мы зашли попить кофе после нашего похода и разговорились с хозяином.

Пожилой представительный грузин половину жизни провёл в Питере. Скульптор. Член Союза художников. Вернулся домой, к корням.

Придумал необычное кафе: кусок скалы обнесён стеной, сверху крыша – интересно. Внутри уютный полумрак, дизайнерская обстановка – чувствуется рука художника-профессионала.

Здесь хорошо, но нам пора ехать.

Нам обещаны озёра на горе Курулди. Интересно, что там за озёра? Может, можно искупаться? Купание в горном озере – это экстрим, но меня это не пугает.

И тут выясняется, что настоящий экстрим – это как раз поездка на машине. Дорога – горный серпантин, только просёлочная, с глубокой колеёй, узкая и без всяких ограждений. Кромки дороги вообще не видно из окна, пропасть – и всё. А с другой стороны, естественно, гора.

Иногда подъём идёт так круто, что машина, кажется, не выдержит и поедет вниз. «Давай, Сузи, давай», –

подбадривает её Коба, и машина послушно ползёт вверх, стараясь из последних сил.

«Сузи» – это Сузуки Гранд Витара. Не последних лет выпуска. Сейчас они навороченные, с обтекаемым силуэтом. У этой очертания попроще. «Рабочая лошадка», - с гордостью и нежностью говорит о ней Коба.

Коба, кстати, с его внешностью и темпераментом, очень органично выглядел бы в седле. Живи он лет на сто раньше, ездил бы по горам на коне. Но сейчас другие времена, и конь другой, то есть лошадь. Сузи.

Мне жалко Сузи – и подвеску, и колёса. А ещё мне страшно. Очень. Крутанётся машина, соскользнёт колесо – и всё, поминай, как звали. А ещё ведь бывают встречные машины, и где-то нужно пятиться до более широкого места дороги, и разъезжаться в нескольких сантиметрах друг от друга.

Коба смеётся: «Посмотри, в машине четыре человека, а боишься ты одна.» Я оглядываюсь на заднее сиденье, на Вову и Сашу. Не-ет, не одна я боюсь. Тогда Коба уже более серьёзно говорит: «У меня двое маленьких детей, я не могу себе позволить рисковать. Так что можешь поверить, опасности нет.»

Этот аргумент меня убеждает. До следующего узкого участка с крутым подъёмом.

Тем временем вдоль дороги становится всё меньше растительности, и мы едем уже по голым холмам. Делаем остановку на небольшой плоской площадке. Это перекрёсток трекинговых маршрутов, где стоит не очень понятное

сооружение – деревянный насест под крышей. Здесь собрались и пешие туристы, и те, кто добрался на автомобиле. Есть даже пара, приехавшая на лошадях. Судя по разговорам, здесь немцы, поляки и израильтяне.

С этой площадки хорошо видно Местию. Коба показывает нам, где наш дом.

Фотографируем, загружаемся в машину и едем дальше, ещё выше. Поднимаемся до высоты 2700. И вот перед нами озёра.

Озёра выглядят не слишком презентабельно – пара коричневых лужиц. Вода в них, как ни странно, тёплая, но купаться там невозможно – дно глинистое.

Зато какая красота вокруг! Можно медленно поворачиваться вокруг своей оси и смотреть на великолепную панораму, от вида которой замираешь от восторга.

Горы, облака, горы, облака – и всё, и нет ни одного человека вокруг, ни одного человеческого следа, только мы четверо.

Да и они, мои попутчики, разбежавшись вокруг, уже через несколько минут превращаются в крошечные точки, почти незаметные на фоне этой величественной и всепоглощающей природы.

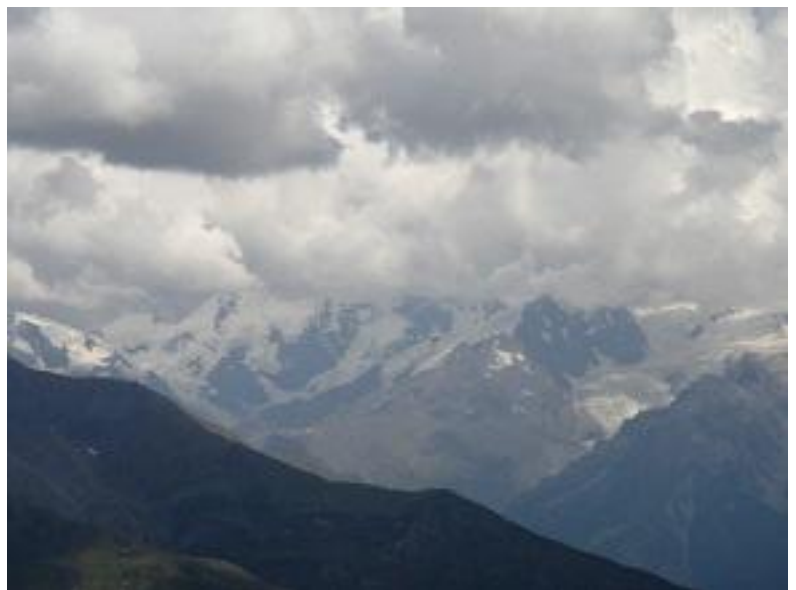
А под ногами островки из ярких голубых или жёлтых цветов.

Кажется, мы совсем недолго ехали от той площадки с насестом. Но там было жарко, а здесь дует сильный ветер, и приходится надевать тёплые куртки.

Пора ехать назад. Вниз тоже ехать трудно, теперь главное – это тормоза. Коба говорит, что повезло с погодой, не было дождя, а то бы не проехали.

Время от времени облака закрывают солнце, но, тьфу-тьфу, пока сухо.

Коба на обратном пути рассказывает смешную историю. Приехавшие к нему туристы решили ночевать где-то здесь, в горах, в палатке. Это, наверное, здорово – вот так, в уединении, увидеть закат и встретить рассвет. Но вечером, уже практически ночью, они позвонили, страшно напуганные, и попросили их немедленно забрать. Сказали, что на них напали...

коровы. Коба говорит, что они (туристы) просто бежали навстречу машине, так пере-трусил. Боевые у сванов коровы, ничего не скажешь.

Я уже немножко привыкла к этой страшной дороге и не так боюсь. Пытаюсь её сфотографировать, но на самых опасных участках не остановишься. А там, где удаётся остановиться, дорога выглядит безобидной, как обыкновенный просёлок.

Мы возвращаемся в Местию. Проезжаем мимо местного аэропорта – весьма необычного здания в стиле хайтек. Самолётов на поле, правда, нет. Утром вроде был один, но я не обратила на него внимания.

Коба говорит, что раньше

летали только вертолёты. И не упускает случая рассказать анекдот про сванов.

«Вертолёт летит в Кутаиси (или Зугдиди, не помню). Набежало человек сорок сванов, набились в кабину, чуть ли не на лопастях винта повисли. Лётчик кричит – не полечу я с таким грузом, боюсь, упадём! Сваны отвечают – смотри, нас здесь сорок человек, и никто не боится, а ты один боишься!»

Центральные улицы Местии выглядят хорошо отремонтированными, аккуратными, как в каком-нибудь швейцарском городке в горах. Туристов с фотоаппаратами, кажется, больше, чем местных жителей.

А через несколько лет здесь построят новый горнолыжный курорт. Обещают сдать в 2016 году. И тогда туристический сезон будет круглый год. Появятся новые комфортабельные гостиницы, магазины, рестораны. И только старинные сванские башни будут декорацией, напоминающей о долгой истории этих мест.

Но, я надеюсь, никуда не исчезнет уют и очарование «нашего» дома. Сегодня он притих – уехали украинцы, и мы перебираемся в одну из комнат, которые они занимали. В другую переносит вещи Саша.

Уехали домой, в Тбилиси, Кесо с сыном. Коба утром был печален. Сказал: «Первые два дня будет тяжелее всего, потом немножко отпустит. Детей не увижу до конца октября. А что делать – у меня работа здесь».

Смеркается. Под старой грушей, за столиком у крыльца, сидит Каха с маленькой дочкой на руках. Поболтать с ним по-соседски заходит родственник, который учится на священника и работает пономарём в местной церкви. К ним присоединяется Саша. Похоже, сейчас снова заведёт песнь о международных отношениях. Так что нам здесь не место.

Нато и Катя суетятся по хозяйству. Коба садится за компьютер. Он постоянно ведёт переписку с клиентами. Нужно ведь для каждой группы составить программу, где-то их разместить, куда-то их возить. У него с середины лета ещё не было ни одного выходного.

Жаль, что нет Зазы. Мы по нему уже соскучились.

После ужина мы сидим на балконе, смотрим, как на Местию опускается ночь. Сейчас полнолуние, и луна, как прожектор, освещает небо. А это значит, что я не увижу звёзд. Они на такой высоте должны быть

огромными и яркими. Но нет, при такой луне видно разве что Большую Медведицу. Ложимся спать, я закрываю глаза и снова вижу снежные вершины...

Девятый день, Ушгули

По плану Кобы:

9 сентября: селение Ушгули – проезд в диковину к горе Аилама – Ушгули – ночёвка в Местии.

Всю ночь шёл дождь и к утру не прекратился.

Мы пьём кофе с Нато. Вообще-то она неважно говорит по-русски, но нам для общения лексики хватает. «Здесь тяжело жить», – грустно произносит Нато. – «В конце октября снег. Бывает, что и в конце апреля снег. Не могу привыкнуть.»

Ой, Нато, Нато... Как я тебя понимаю... Сама всю жизнь, можно сказать, так живу. И тоже до сих пор не могу привыкнуть.

Нато из Картли – это тот район Грузии, где Тбилиси и Мцхета. Вышла замуж за свана Каху, переехала в горы. Сегодня в Картли жара, а здесь, в Сванетии – прохладно, пасмурно и мокро.

Со второго этажа спускается Коба, бодрый и энергичный. Говорит, что наши планы не меняются. Погода в горах непредсказуема, может, всё и рассосётся. Да если даже и будет дождь, до Ушгули дорога нормальная, можно доехать.

Ушгули – это самое высокогорное постоянно обитаемое селение в Европе, расположено на высоте 2200 метров. Оговорка «постоянно обитаемое» – это из-за того, что в Альпах пастухи живут и выше. Но только летом. Уточнение «в Европе» – из-за того, что в Гималаях, например, населённые пункты есть и на большей высоте.

Кстати, насчёт Европы. Вот Грузия, она где – в Европе или в Азии? Мы всегда знали, что граница Европы и Азии проходит по Уральским горам, потом по реке Урал до Каспийского моря (я знаю, сама из Магнитогорска, у нас на мостах стоят «пограничные столбы»). С Чёрным морем тоже всё понятно, там граница по Керченскому проливу, в Средиземном – по Босфору и Дарданеллам. А где идёт граница между Чёрным и Каспийским? Открываю Википедию и с удивлением читаю, что мои взгляды устарели. И теперь вся река Урал целиком в Европе, граница отодвинута на восток, и теперь даже кусочек Казахстана в Европе. А вот с Кавказом получилось по-другому. Раньше граница проходила по водоразделу Кавказского хребта, а теперь она севернее, и весь Кавказ в Азии. Такое определение границы сделано Русским географическим обществом в 2010 году. А я и не знала, эта новость мимо меня прошла.

Может, это только в русской Википедии такая статья? Открываю английскую – то же самое. Но там есть дипломатическая оговорка насчёт Грузии, Армении и Азербайджана. Мол, несмотря на то, что географически они находятся в Азии, исторически принадлежат Европе.

Да бог с ним, самое или не самое высокогорное село Ушгули. Но что оно очень интересное, мы слышали.

«Сегодня я отвезу вас в средневековье», – говорит Коба.

По дороге он рассказывает нам о сванах – и анекдоты, и легенды, и реальные истории.

Как нам уже известно, сванские деревни всегда были объединены в общины. Их жизнь была довольно сильно регламентирована строгими законами, и это вроде

уголовного кодекса. Старейшины решали спорные вопросы, и послушаться их было невозможно.

Оказывается, у них очень страшным преступлением считался инцест. Строго каралась связь не только между близкими родственниками, а даже между теми, кто был, что называется, «седьмая вода на киселе». Вот, например, в одной деревне полюбили друг друга юноша и девушка, не брат и сестра, а дальняя родня. Старейшины собрались и вынесли вердикт: смертная казнь. Причём казнить должны были родители собственноручно. Отец девушки после исполнения приговора сошёл с ума.

Жуть какая. Причём это было относительно недавно, в прошлом столетии. О похожих случаях писали Иванюков и Ковалевский в конце девятнадцатого века. И казни тоже были изощрённо-ужасные.

Правда, те же Иванюков с Ковалевским добавляли, что остальные преступления карались относительно мягко: была система штрафов и изгнание из рода. Отсутствие сурового наказания за убийство компенсировалось тем, что в обычае была кровная месть.

Но вернёмся к преступно влюблённым. Я всё в толк не могла взять, как же они тогда находили себе жён/мужей? Ведь они компактно жили целым родом, и в одной деревне (отметим, как правило, маленькой) все родственники?

Коба отвечает, что с потенциальной невестой можно было познакомиться несколько раз в году на больших религиозных праздниках, куда собиралось по несколько деревень.

Всё равно, это трудно себе представить. Как трудно представить себе и весь уклад жизни людей, оторванных от остального мира.

Дождя уже нет, но небо по-прежнему серое, и белые облака от вершин спустились ниже, к ущелью. Но горы от этого не перестают быть прекрасными. Фотографии, к сожалению, получаются хуже без яркого солнечного света. А горы – им всё равно, какая погода, они великолепны всегда.

Коба говорит, что хочет нам показать одну церковь по дороге – если получится. Нужно только позвонить человеку, у которого хранятся ключи. И, если он не занят на сельскохозяйственных работах, нам откроют и покажут эту церковь.

А то, что там внутри – абсолютно бесценно. Иконы, чеканка, утварь датируются одиннадцатым–двенадцатым веком. Это собственность общины Кала, состоящей из трёх или четырёх деревень. Эти святые для них вещи местные жители сохраняли на протяжении столетий. Когда приходили завоеватели, мужчины общины прятали их в тайники в горах, и местонахождение этих тайников было известно только посвящённым, среди которых не было ни одной женщины.

Нам повезло – хранитель ключей не только не занят, но и уже в церкви. Сегодня туда отправилась одна семья из деревни – у них какой-то праздник.

Церковь носит имя святых Квирикэ и Ивлиты. Ивлита – это раннехристианская мученица, убитая гонителями веры, а Квирикэ – её маленький сын, разделивший участь матери.

Находится церковь на вершине горы, и от начала тропы выглядит еле заметной точкой. Ничего себе – это сколько же мы будем идти? Да ещё вверх? Но, как ни странно, мы добираемся до цели довольно быстро – может, за полчаса, может, минут за сорок. И погода, кстати, наладилась, даже солнышко иногда выглядывает.

К ней ведут грубо высеченные в скале ступени.

Вот это да! Церковь, сложенная из сланца, настолько древняя, что, кажется, по колено вросла в землю.

Рядом с церковью – навес, под которым на низкой деревянной скамейке располагалась та самая семья, которая пришла сюда праздновать. А к столбу привязана... белая коза.

Семья, собственно, ждёт воду. Вода должна подняться по шлангу снизу. Мы встретили двух мужчин, которые этим шлангом занимались – там произошла какая-то неисправность, но они собирались её починить в кратчайшие сроки.

Заминка продлит жизнь белой козе – ей суждено быть зарезанной и сваренной. О! А вот и котёл, в котором будут варить козу. Родной брат того котла, что я позавчера видела в музее. Только сильно закопчённый. Он валяется возле большой хозяйственной постройки, чуть ли не ровесницы церкви.

Заходим внутрь этого строения, которое оказывается просто большой кухней. Посредине висит медный котёл раз в десять больше того, закопчённого. Коба объясняет: в этом котле раз в год, летом, на большой религиозный праздник (святого Георгия, наверное), варят целого быка. Быка специально для этой цели выращивает одна из семей деревни. По очереди, конечно. Коба специально спрашивал об

этом хранителя ключей. Его семья растила быка два года назад, и очередь снова дойдёт до них через пару-тройку десятков лет.

Вот об этом и говорила экскурсоводша из музея – жертвоприношение! От этого слова веет древним язычеством. Иванюков и Ковалевский в конце девятнадцатого века писали о причудливом смешении христианства и язычества в верованиях сванов. Но чтобы сейчас? Вот эти девчонки в футболках с надписями «London» и «New York city», с фотоаппаратами, тоже пришли помолиться в старинной церкви и съесть потом жертвенную козу?

Фантастика. В древней кухне с закопчёнными стенами, среди массивных деревянных столов, скамеек и утвари музейного вида, стоит красный пластиковый

тазик. С одной стороны, он выглядит анахронизмом и «портит» вид. С другой... Он здесь на своём месте – символизирует связь времён.

Кстати, женщин в церковь стали пускать совсем недавно, по специальному разрешению патриарха (!).

Внутри она совсем маленькая, с чеканным крестом посередине, с полустёршимися старинными фресками. Иконы – как недавно написанные, так и древние, с едва различимыми лицами. И ещё чеканка. Иконы когда-то не только писали, но и чеканили, и эти, чеканные, сохранились гораздо

лучше.

Музейная ценность икон этой деревенской церкви огромна, но жители деревни смотрят на них не так, как историки и искусствоведы. Это часть их истории и их жизни, такая же, как окружающие их горы, и река, и деревья, и скалы.

На плоской площадке, заросшей зелёной травой, лежат два больших валуна и колокол, к которому зачем-то приделаны железные петли. Коба демонстрирует: в петли нужно продеть руки, поднять колокол и покачать. А валун (который совершенно неподъёмен на вид) надо перекинуть себе за спину. Так соревнуются местные мужчины на деревенских праздниках.

Священника я, кстати, здесь

не вижу – в этой церкви священник «приглашённый», то есть он бывает здесь только иногда, провести службу. Я интересуюсь, а как относятся священники к такому использованию церкви – для деревенских праздников? К «жертвоприношениям»? Коба отвечает: да, они бывают недовольны. Но местные возражают: «А где ж вы были, когда мы эту церковь охраняли от

врагов? Когда мы сберегали все священные реликвии?» Веский аргумент. Это их собственность. Захотят – придут варить козу. Захотят – сделают часть крыши из ондулина, прямо над древней кладкой.

Мы, похоже, не дождемся начала праздника. И только когда мы идём назад, то видим, что шланг вроде бы привели в порядок и вода пошла наверх. Но нам уже пора ехать дальше, в Ушгули.

Дорогу от Местии до Ушгули только начали строить, и несколько километров уже заасфальтировано. Но мы давно уже едем по просёлочной, над узким ущельем, где внизу среди скал пенится Ингури.

Ещё несколько километров – и вот перед нами Ушгули, именно тот вид, который каждый турист, побывавший здесь, выкладывает в Интернет. Нам, конечно, тоже нужно иметь такой снимок. Фотографирую.

Ушгули – это община, состоящая из четырёх деревень. Находится под охраной ЮНЕСКО. Здесь, естественно, целый лес сванских башен, старинные дома, церковь, музеи.

Мы заходим в церковь Богородицы – тоже где-то 11 или 12 век.

Интересно, что ни фрески, ни иконы здесь принципиально не реставрируют и не обновляют. Низкий свод, крошечное помещение, древний алтарь из сланцевых плит.

Там же, в церкви, к стене прислонена деревянная штукавина с овечьей шерстью – объясняют, что это старинное приспособление, с помощью которого когда-то мыли золото в реке. Золотой песок прилипал к шерстинкам. Скорее всего, именно так возникла легенда о золотом руне.

С этой церковью связана ещё одна легенда. Точнее, исторический факт, который со временем

оброс легендарными подробностями.

Верхняя Сванетия называлась раньше Вольной Сванетией, потому что здесь никогда не правили князья – в отличие от Нижней

Сванетии. И однажды какой-то князь заявил свои права и встретился с местным самоуправлением. Вот прямо здесь, на территории этой церкви. После переговоров его убили.

Коба говорит, что была договорённость: если переговорщики попросят подать белое вино, то всё хорошо, если красное – это сигнал убить князя.

У Иванюкова с Ковалевским описаны другие подробности: князь «был убит ушкульцами пулей, вылитой из свинца, доставленного в равном количестве всеми дворами ушкульского общества». Выстрелили «из церковного ружья, направив его через окно храма, а курок был взведён с помощью веревки, за которую держались сорок два мальчика, по одному от каждого двора».

Дальнейшие события излагаются по-разному, но князья явно потеряли желание править Вольной Сванетией.

...Церковь Богородицы – действующая, но после той, церкви Квирико и Ивлиты, с козой и красным пластиковым тазиком, кажется какой-то музейной.

В местном музее мы тоже побывали. Там нельзя фотографировать, и в каждой комнатке строгий охранник с оружием.

Из Ушгули должно быть видно гору Чхвару, самую высокую гору Грузии, выше Казбека. Но погода снова испортилась, и Чхвара безнадежно закрыта облаками.

Из-за погоды мы не едем к горе Аилама. Коба сказал, что дорога там ещё хуже и опаснее, чем та, по которой ехали вчера на озёра. И после дождя туда нечего и соваться. Жаль, мы не узнаем, что такое «диковина» у горы Аилама. Наверное, Коба подразумевал «дикие места».

Печально. Но надо пообещать – и мы идём в местный ресторанчик есть хачапури.

На столе, как и везде у сванов, стоит солонка с какой-то приправой, которая называется «сванская соль». У неё тоже есть своя история.

Когда-то соль была большим дефицитом, за ней нужно было спускаться вниз, в долину. Были случаи, когда люди, отправившиеся за солью зимой, погибали в дороге. В качестве заменителя соли сваны использовали смесь засушенных местных трав и приправляли ей все блюда. А теперь с этой традиционной приправой смешивают соль. Пахнет вкусно. Покупаем пару упаковок с собой.

Коба рассказывает ещё одну поразившую меня историю.

Здесь, у истоков Ингури, ушгульцы всегда ловили форель. Но в последнее время форели стало гораздо меньше – просто катастрофа. И тогда они, как говорит Коба, «наложили проклятие» на ловлю рыбы, сроком действия на три года. Что и написано в соответствующей табличке, установленной у реки. «Проклятие» – наверное, не совсем удачный перевод, скорее, это что-то вроде «табу».

С точки зрения государственных законов, этот запрет силы не имеет. И сюда, в Сванетию, приехали какие-то большие люди из силовых структур – на пикничок, рыбку половить. Но пара обычных сванов, отец с сыном, которые пасли скот на склонах, прогнали чужаков без всякого применения силы. Что уж они там сказали,

неизвестно, но слова, как видно, оказались убедительными.

Я – эколог в глубине души – восхищаюсь этими людьми. Надеюсь, они сохраняют свою природу – свой дом.

На обратной дороге заезжаем на источник минеральной воды, он неподалёку от Местии. Вода в нём газированная. А ещё там прекрасные виды, можно пофотографировать.

Коба уверенно говорит, что по тому, какая вода в источнике, можно предсказать погоду – и завтра погода

будет хорошая!

Дома новые гости – четверо человек из Уфы, трое молодых людей и девушка, лет по 25–30. Опытные туристы-походники. Добирались сюда через Ереван, самолётом и поездом. Устали. Я немножко испугалась – вдруг они завтра тоже захотят с нами пойти на водопады. Но, оказывается, сначала на водопады нужно долго ехать, а «Сузи» всех не увезёт.

А ещё сегодня приедет Заза. Он должен был приехать только завтра. Но украинцы не захотели больше никаких экскурсий («после Сванетии всё уже не так интересно») и остались на море, рядом с Батуми. Зазу отпустили. Коба говорит, он гонит, как сумасшедший, будет к десяти.

Но мы так и не дождались, уснули рано, как убитые.

Десятый день, водопады Шдгра

По плану Кобы:

10 сентября: поездка-поход на водопады Шдгра, пеший маршрут на 5–6 часов в обе стороны – ночёвка в Местии.

Наконец-то мы встретились с Зазой! После дружеских объятий я начинаю ему взахлёб рассказывать, что было интересного: «И ты представляешь, они притащили в церковь козу!» Заза рассудительно отвечает: «Это правильно, они же идут к богу. Нет козы – принеси хоть петуха».

Вечером мы ещё наговоримся, а сейчас Коба везёт нас в самый большой поход – на водопады. Мысленно представляю себе, как ползу, вздыхая, всё время вверх по каменистой тропе. Заранее боюсь.

Нам повезло – от вчерашней хмурости не осталось и следа, светит солнце и небо ярко-синее.

Оказывается, ехать нужно довольно долго, через две деревни.

Деревни очень живописные. В одной из них ни много ни мало – шестьдесят церквей! Шестьдесят! Это не ошибка! Есть, например, церковь святого Ионы (это который в чреве китовом). Коба говорит: «Церквей Ионы всего две. Вторая – во Франции. Но наша – древнее, десятого века».

Коба обращает наше внимание на местных жителей, которые косят траву на крутом,

чуть ли не вертикальном, склоне горы. Как это им удаётся? Я пытаюсь представить себе, как нужно держать косу, стоя лицом к горе, и у меня никак не получается.

В машине мы слушаем музыку – современные грузинские песни. Мелодичные и по-итальянски сладкие, то есть то, что мне безумно нравится. Коба комментирует с лёгким оттенком пренебрежения: «Это музыка мегрельская, равнинная. У нас, горцев, совсем другая – энергичная, зажигательная!». (Коба не сван, но по происхождению тоже горец – мтиул. Это такая народность, которая живёт в районе Казбеги).

Коба и сам вполголоса подпевает. Заза как-то говорил, что Коба раньше занимался профессиональным пением. Жаль, что его никак невозможно заставить петь (я пробовала в один из вечеров, но он отказался). А голос красивый, сильный, и не вибрирует даже на тряской дороге.

Дорога становится всё хуже и хуже. Собственно, мы едем уже по трекинговому маршруту. Обгоняем несколько групп туристов, которые давно уже идут пешком, оставив позади свои машины. Но Коба хочет подвезти нас как можно ближе, чтобы мы не так устали. А дорога – сплошные камни, то вверх, то вниз...

«Давай, Сузи, давай...»

Мы останавливаемся в самой последней точке, куда может проехать машина, и начинаем

подъём. Мы идём не быстро, и нас обгоняет группа молодых израильтян. «Шалом!»

Спрашивают по-английски, а как мы догадались, что они из Израиля. Гм... Иметь такую характерную внешность, носить кипу и думать, что их можно принять, скажем, за скандинавов?

Сначала дорога мне кажется тяжёлой. Поднимаемся вверх по камешкам. Останавливаемся передохнуть. Вдруг Коба вспоминает, что забыл в машине паспорт. Мы же будем

проходить пограничный пост, могут потребовать документы. Так что ему придётся вернуться, а мы можем тихонечко идти вперёд. Дорога мааркирована стрелочками на камнях – не заблудимся.

Но одна из стрелочек, как нам кажется, показывает куда-то не туда. (Налево пойдёшь – коня потеряешь...) Мы решаем подождать Кобу, и правильно. Потому что поверившие в стрелочку израильтяне, основательно запыхавшиеся, в недоумении возвращаются к развилке. Какой-то шутник, оказывается, развернул тяжеленный камень – чтоб не скучно было.

Догнавший нас Коба наставительно говорит: «А нечего без проводника ходить!»

Тропинка углубляется в лес и становится полой. То и дело попадают грибы, и я делаю над собой усилие, чтобы не сорвать их. Коба обещает, что на обратном пути соберём. Зато можно запросто срывать позднюю крупную землянику и голубику.

Украинцы нам рассказывали с восторгом про дивную чернику, кусты которой

доходят чуть ли не до пояса, а ягоды невероятного размера. Ну, может, у них там, на Украине, и растёт много чего, но голубики они ни разу в жизни не видели.

Реку нужно переходить по мосту без перил. Но он сложен из таких толстых брёвен, что совсем не страшно. Несмотря на то, что река внизу ревет и пенится.

Проходим пограничный пост. Пограничник и не собирается проверять наши документы. Но рад возможности поболтать с Кобой.

Всё время встречаемся с израильской группой, которая идёт быстрее нас, но подолгу отдыхает. Даром что молодые, а далеко от нас всё равно убежать не могут.

После пограничного поста лес кончается – уже высоко. Идти снова становится труднее.

Но водопады уже видны: слева маленький, посередине средний, а справа самый большой. Коба предлагает варианты: либо мы продолжаем идти вверх часа полтора и доходим до среднего водопада, либо мы сворачиваем на тропинку, которая приведёт нас к подножию большого водопада.

Я, наверное, дойду и до верха. Но к концу пути буду уже полу-мёртвая. И сдаюсь: сворачиваем.

Тропинка узкая и скользкая. Но – в качестве бонуса – время от времени она проходит через густой колючий малинник, усыпанный мелкими сладкими ягодами.

На нашем пути встречаются две речки (от маленького и среднего водопадов), которые нужно перейти, и Коба находит относительно удобные участки. Перед каждым переходом я тщательно упаковываю фотоаппарат сначала в футляр, потом в первый герметичный мешочек, потом во второй герметичный мешочек, потом в рюкзачок. Коба с некоторым удивлением смотрит на мои манипуляции, но не комментирует.

А ведь если я поскользнусь, шлёпнусь в воду, уроню фотоаппарат, и он намокнет, то это будет трагедия! Фотоаппарат – это моё всё! Там уже около шестисот снимков, никуда не скопированных! Лучше перестраховаться.

Подходим к водопаду. Рядом с ним очень холодно. У Вовы есть ветровка, а у меня разовый дождевик, взятый на всякий случай. Он, конечно, сразу рвётся, но всё же это лучше, чем ничего.

Водопад ревет так, что приходится кричать. Коба говорит, что при удачном освещении можно увидеть роскошную радугу, но нам не везёт – всё время солнце закрывают какие-то облачка.

Мы находим местечко у скалы, где почти не дует ветер. Коба раскладывает нехитрый обед: сыр, лепёшки, помидоры – вкусно!

Сфотографировав каждую гору в пределах видимости и водопад во всех ракурсах, отправляемся обратно. Две речки (и два упаковывания фото-аппарата), «малиновая аллея», пограничный пост, мост, лес.

Коба предлагает не торопиться и пособирать грибы.

Мне попадаются в основном незнакомые. То ли маслята, то ли моховики, синеющие на изломе. Их, на всякий случай, не беру. Но мы с Вовой нашли и несколько белых, и рыжики. В них-то я уверена. А Коба собирает сыроежки и ещё какие-то местные грибы, которых я раньше не видела.

Когда идём по лесу, у Вовы звонит телефон. Это из Москвы, с работы. Оказывается, срочно надо кое-что сделать. Вова обещает, что сделаем в выходные, когда вернёмся.

Здесь та, обычная, рабочая жизнь, кажется нереальной и уже полузабытой. Но этот звонок возвращает меня с небес на землю.

Отпуск уже совсем скоро кончится. А сегодня у нас последний вечер в Местии.

Коба говорит, что Заза позвонил и сказал, что уже готовит мясо для праздничного шашлыка. Они будут пить водку собственного розлива, а мы по дороге покупаем вино в местном магазине.

Дома царит оживление. На заднем дворе Заза и Каха священнодействуют с углями, очень серьёзно обсуждая процесс. За этим наблюдает единственный зритель, к которому мы присоединяемся. Зрителя зовут Лаша, он приходится роднёй Кахе. А ещё он местный прокурор.

В первый раз вижу живого прокурора. В полумраке он выглядит солидным лысоватым дядькой, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что Лаша очень молодой (всего 26

лет!) и немного застенчивый. По-русски, кстати, говорит очень хорошо, что редкость среди молодёжи.

Лашу очень уважают. «Он справедливый! Недавно мегрел своровал трос из ограждения дороги и свалил на сванов! А Лаша нашёл мегрела и доказал, что сваны не виноваты! Честный, справедливый!»

Я не знаю, чем заняться, и пытаюсь принять участие в процессе. Но Заза прогоняет меня – нечего женщине под ногами крутиться. Пошла на кухню, пожарила собранные грибы. Их оказалось смехотворно мало, как говорится, на зубок.

На кухне хозяйничает Като. Из-за языкового барьера мы с ней почти не разговариваем, только улыбаемся друг другу. Она мне очень нравится. Коба как-то сказал про неё: «Смотрели фильм «Кукушка»? Посмотрите. Тот же типаж, сами увидите».

Вернулись уфимцы. Поскольку они ехали до Местии сутки и в дороге не спали, то первый день решили сделать разминочным. Сходили на ледник. Только их никто на машине до начала трекинга не возил, они сходили пешком. Тринадцать километров в одну сторону, тринадцать в другую. Разминка, ага.

Единственная девушка в их группе, симпатичная башкирочка Вилена, говорит мне, несколько стесняясь, что она немного устала идти в том же темпе, что и парни. Ага. Немного. Устала. Бежать 26 километров с тремя здоровыми лосями. Тут пятнадцать минут вверх без остановки пройдёшь вверх по горе и хвалишь себя – какова героиня!

Процесс приготовления шашлыка уже близок к завершению. Коба говорит, нужно ещё накормить уфимцев ужином, чтобы потом не дёргаться, и потом уж сядем мы – с чувством, с толком.

Тем временем на стол выставляются яства – кубдари, овощи, мясо. Заза, оказывается, купил в Зугдили сома и приготовил его по своему рецепту. Специально, чтобы показать нам, как это может быть вкусно, а то мы не верили. И вправду вкусно, надо же!

Като, оглядев стол и увидев бутылки с вином и водку в кувшинах, тихо делает какое-то распоряжение. Коба беспрекословно лезет в погреб и достаёт оттуда канистру с домашним вином – это Катина заправка. Значит (как объяснил Коба), у нас будет не пьянка какая-нибудь, а настоящее, правильное застолье.

Сегодня мы сидим за семейным столом, с нами и Каха с Нато (Нато уже уложила малышку спать), и Катя, и Лаша, и Коба, и Заза. Сначала выясняют, кто будет тамадой. Свою кандидатуру выдвигает Каха – он хозяин дома. Но он мало говорит по-русски, и тосты придётся для нас переводить. Поэтому тамадой снова будет Коба.

Как водится, сначала идут тосты «за высшего Бога», «за архангелов», «за святого Георгия». После этого Коба говорит, что можно, наверное, закончить с официальным порядком и перейти, так сказать, к «произвольной программе», но Каха вдруг начинает горячо, с экспрессией возражать по-грузински. И Коба продолжает в соответствии с регламентом.

Четвёртый тост: «Выпьем за тех, кто знал эти горы лучше нас, кто любил это солнце и небо больше нас. За тех, кто ушёл от нас».

Пятый тост, по логике, должен быть за будущее, за детей. Но грузинский патриарх сказал, что от мёртвых переходить к детям сразу нехорошо. Вот это да! Оказывается, патриарх занимается и такими вопросами! Да, занимается. Недавно вот разрешил произносить тосты под пиво. Раньше было не положено.

Поэтому пятый тост пьём за патриарха. Нам объясняют, что патриарха в Грузии очень уважают, и он имеет гораздо большее влияние, чем правительство.

Ну, а потом, конечно, за детей, за родителей, за «самых сладких, самых лучших, самых любимых людей в нашей жизни – за дедушек и бабушек».

Перед каждым тостом специальный человек (не тамада) обязательно подливает тебе вина в стакан. У этой «должности» есть своё название, но я его не помню. За нашим столом эту обязанность выполняет Заза.

Но, несмотря на множество тостов, если не хочешь напиться – не напьёшься. Можно каждый раз отпивать по глотку, и тебе будут доливать в стакан этот глоток.

Да и тосты произносятся не каждую минуту. Между ними идёт обычный застольный разговор, шутки, анекдоты:

«Подходит как-то сван к мосту через реку. И вдруг ему какой-то голос говорит: «Не ходи по этому мосту!». Он послушался. А мост обрушился. Потом идёт по горной дороге, и снова голос говорит: «Не ходи дальше!». Сван послушался, а на дорогу сошёл камнепад. Потом голос спас его от лавины, и, наконец, сван любопытствовал: «А кто же ты, и почему ты меня спасаешь?» «Я – твой ангел-хранитель!». И маленький человечек материализовался у него на ладони. «Ангел-хранитель? А где ж ты был, когда я на мегрелке женился?!». И прихлопнул ангела».

Поскольку мегрелов за столом нет, все хохочут. Коба замечает, что старики, хранители настоящих традиций, не одобрили бы такого легкомыслия во время застолья.

Сначала нас покидает Лаша. Потом уходят женщины, Нато и Катя. Вова тоже начинает засыпать, и мы оставляем мужчин одних – время уже к двенадцати. Завтра мы уезжаем.

Одиннадцатый день, возвращение в Тбилиси

По плану Кобы:

11 сентября. Переезд Местия-Тбилиси – прогулка по Тбилиси.

Заза хотел уехать в восемь утра, но прощание затянулось до половины десятого.

У нас не хватает слов, чтобы сказать, как мы благодарны этому дому, как симпатичны нам его обитатели, как не хочется расставаться с ними и со Сванетией.

Сванетия тоже, похоже, льёт слёзы на прощание. На улице страшный ливень, и где-то гроыхает гроза. До машины бежим бегом.

Горная дорога после дождя выглядит очень опасной. Время от времени мы въезжаем в облака, и не видно абсолютно ничего. Но гораздо хуже, что ливень вызвал каменные обвалы. Буквально через каждый километр на дороге валяются камни, которые приходится объезжать. А один валун, скатившись, даже повредил ограждение – разорвал трос и вывернул столбик. Эти страсти я не фотографировала, потому что не хотела просить Зазу останавливаться в небезопасных местах.

Так что фотографии у меня вполне мирные и не страшные.

Через несколько часов мы уже в Зугдиди, где жарко и душно. Останавливаемся на обед. Пользуемся возможностью попробовать острую и пряную мегрельскую кухню.

Подкрепившись, едем дальше. Заза гонит, как сумасшедший – торопится к внукам. Я позорно засыпаю на переднем сиденье. Время от времени, открыв глаза, вижу на спидометре 130 и машину, которая мчится нам в лоб – Заза снова обгоняет по встречной. Но у меня нет сил даже бояться, и я снова начинаю дремать. На последнем участке дороги скорость доходит до 150-ти.

Вся дорога до Тбилиси занимает девять часов, включая обед и остановки на заправках. Я думала, что мы поедem сразу к Зазе (нам надо забрать вино, чтобы его

упаковать в чемоданы), но мы сначала едем в дом Кобы – отдать Кесо какие-то вещи. Кесо приглашает нас в дом если уж не поужинать (от еды мы категорически отказались), то хотя бы выпить кофе. Она пересеклась с нами в Местии только на один день, но запомнила, что мы не пьем растворимый кофе и что сахара нам не надо.

Коба однажды рассказал нам, что его жена... полковник. Я сразу начала любопытствовать, в каком ведомстве, но Вова сурово прекратил мои расспросы. Мало ли, может, это секрет.

Коба сказал только, что на всю страну только две женщины имеют такое звание. «Но у себя дома я генерал!» – улыбнулся Коба и потом уже серьезно добавил: «Конечно, мне иногда бывает обидно, что у жены и положение выше, и зарплата больше. Но в первую очередь она жена и мать».

Полковник, значит... Не верится – она такая милая, приветливая, уютная. Нежная мама. На полу в гостиной возятся сыновья – старший, Нико и младший, Леван. Отец по ним очень скучает – там, в Местии.

Мы на кухне болтаем с соседкой Кесо, она же подруга, она же няня. «Кавказские мужчины», – говорит она, – «обожают своих детей и не стесняются говорить об этом. У нас в Грузии вообще особенное отношение к детям, их все любят и балуют».

Чистая правда. Обычная ситуация: угрюмый brutальный мужик расплывается в умиленной улыбке при виде какого-нибудь карапуза, треплет его за щёчку и что-то ему нежно бормочет. У нас бы тут же гневная мамаша отогнала чужака от своего сокровища, но здешние матери воспринимают такие знаки восхищения как должное. Да и дети совсем не боятся. И даже, кажется, меньше капризничают, чувствуя всеобщую любовь.

«Как вам жилось в Сванетии?» – спрашивает соседка Кесо. «Там же, наверное, легко дышится? Здесь, в Тбилиси, невыносимо жарко. Все стараются отправить детей на лето к родственникам в горы. Но скоро школьники приедут обратно – занятия в школах с 15 сентября».

Я отвечаю, что да, действительно, нет никакого сравнения. Но в Сванетии хорошо не только из-за климата. Там горы-ледники-водопады, и необыкновенная красота, и люди удивительные. И дом, в котором мы жили, нам тоже очень понравился. И его хозяйка, Катя.

«О, наша Катя! Катюшка!» – оживилась моя собеседница. «А вы знаете, что в молодости она была известная горнолыжница?»

Вот это да! Като, божий одуванчик – горнолыжница? А с виду и не подумаешь. Хотя... А как должна выглядеть бывшая спортсменка в 68 лет, если на ней, можно сказать, весь огромный деревенский дом с рутинной работой без выходных и отпусков?

И вообще, как я поняла из нескольких фраз, Катя – женщина незаурядная, и мы ничего о ней не знаем. Но я посчитала неудобным расспрашивать дальше. Да и засиживаться нехорошо, ведь Заза торопится домой.

У дома Зазы нас встречает его сын, Александр, который возится с машиной. А в доме – дочь Нино и жена Майя. Майя понравилась мне с первого взгляда. Она красивая, держится с уверенностью и достоинством. Со снисходительной нежностью наблюдает за встречей деда и внука. Внук – полуторагодовалый Давид – похоже, тоже с нетерпением ждал

дедушку. Устраивается у него на руках и ни за что не хочет слезать.

Но как преображается Заза! Усталость от девятичасовой дороги как рукой сняло! Он просто излучает счастье, радость и любовь.

Двухмесячную внучку Анну мы не увидели – они с мамой ушли к другим дедушке с бабушкой в гости.

Пока Заза воркует с внуком, Майя, несмотря на наши возражения, выставляет угощения на стол. Нина тоже приветливо нам улыбается, но, к сожалению, она практически не знает русского языка. Мы про неё знаем, что она пока не замужем, работает и учится. Учит английский язык. Что ж – будем честными – это актуальнее. Хотя неизвестно, как жизнь повернётся. Русских туристов в Грузии, я думаю, станет больше.

Заза показывает нам дом. Для такой семьи он тесноват, но Заза достраивает третий этаж. Дай бог ему сил.

Маленький Давид не хочет расставаться с дедом ни на минуту, и, когда Заза отвозит нас в отель, едет с нами на руках у Нины.

Мы возвращаемся в тот же отельчик на проспекте Руставели, в котором жили в самом начале поездки. Есть не хочется. Пить не хочется. Гулять не хочется. Вылезать из-под кондиционера нет никаких сил, так что мы падаем и засыпаем чуть ли не в девять вечера.

Двенадцатый день, музей

По плану Кобы:

12 сентября: Посещение Тбилисского государственного музея – переезд в аэропорт.

Ну, вот и наступил последний день отпуска. Мы в Тбилиси.

Тот Саша из Ставрополя, с которым мы пересеклись в Местии, говорил, что в Тбилиси есть ресторан, под вывеской которого по-русски написано: «Если вы действительно, по паспорту, Лариса Ивановна, то здесь вам в подарок дадут бутылку хорошего (дорогого) вина». И где-то Саша видел памятник героям «Мимино». И в Тбилиси есть ещё множество забавных и приятных местечек.

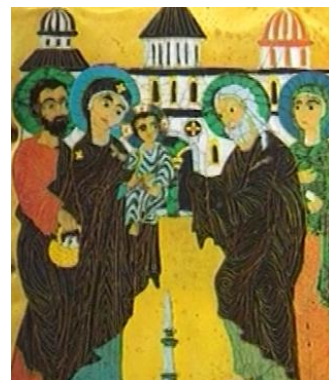
Но у нас есть на Тбилиси только полдня. Для хорошей прогулки по городу это слишком мало.

А для магазинов – слишком много. Мельком глянув на витрины, я решила, что на шопинг в Грузии не стоит тратить время. Хотя всё и дёшево, но выбор гораздо меньше, чем у нас дома.

Я, конечно, хотела бы сходить в археологический музей. Но сейчас он закрыт на реконструкцию. Поэтому Заза нас везёт в исторический музей, в котором есть «сокровищница». Вход без гида туда не разрешён.

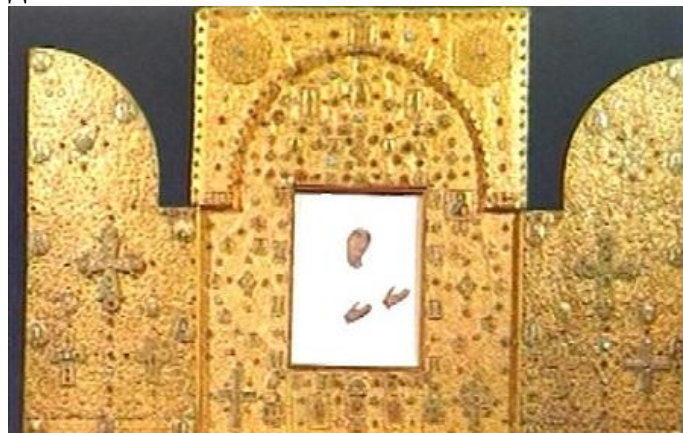
Там собраны уникальные и драгоценные вещи. Например, иконы, выполненные в стиле пергородчатой эмали. Такую технику мы видели в Китае: сначала на поверхность предмета наплавляется тоненькая проволока, обозначающая контуры. А образовавшиеся ячейки заполняют разноцветной эмалью. То, что делают в Китае – очень тонкая работа. Но здесь! Золотую проволочку можно увидеть, наверное, только под лупой. Я разглядываю ячейки, вплотную прислонившись к стеклу

(слава богу, что я, как человек близорукий, с годами не теряю способности хорошо видеть мелкие предметы). Площадь каждой ячейки – даже не знаю, с чем сравнить – ну точно меньше квадратного миллиметра.

Экскурсовод показывает нам большие кресты, которые несли перед процессией. Один из них точно принадлежал царице Тамаре.

В музее большое собрание древних икон, как чеканных, так и написанных на досках.

И наконец-то я вижу икону шестого века, написанную до периода иконоборчества. Это «Спас нерукотворный». Тёмный лик, очертания едва угадываются. Вот это действительно раритет. (К сожалению, у меня нет этой фотографии, да если бы и была, на ней невозможно было бы что-то разглядеть).

Экскурсовод говорит, что здесь, как и в России, идёт вечный спор между церковью и музеями. Священники настаивают, что все иконы из музеев должны быть переданы в храмы, так как это не светские картины, а святые изображения, написанные для совершенно определённых целей. Музейные работники возражают: храм не может создать таких условий хранения для древних раритетов, как музей.

Такие споры идут везде, но в религиозной Грузии, наверное, они особенно остры. Но пока что церковь не победила.

Ну, вот и всё, мы уже едем в аэропорт, выпив в маленьком уличном кафе вина (Заза, конечно, пьёт газировку). Прощаться с Зазой особенно грустно. Мы с ним и подружились, и сроднились, и полюбили его.

Он стоит внизу, у ступенек эскалатора, пока мы поднимаемся. Я машу ему рукой – пока его ещё видно.

Благослови его, Боже, – говорю я. Я неверующая, но мне кажется, эти слова лучше всего подходят для того, чтобы выразить свои чувства.

Благослови его семью. Благослови Кобу, Кесо, их детей. Благослови Катю и её дом.

Благослови Грузию.

